

В. ПИЗАНИ

ИТАЛЬЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Термином «диалект» мы будем обозначать местные разновидности языка в отличие от литературного языка, с которым они сохраняют связь и с которыми, как правило, конкурируют в употреблении в каждой отдельной местности. Диалекты отнюдь не являются, как иногда считают, результатом порчи литературного языка, ибо соотношение между диалектами и литературным языком обратное: первые обычно предшествуют второму. Что же касается литературного употребления, то диалекты обычно имеют только устную форму, а их письменная форма (если она существует) должна рассматриваться в качестве разновидности литературного языка, приспособленного к местному узусу. Достаточно вспомнить хотя бы греческие диалекты, которые на письме воспроизводят модели великой традиции, идущей от Гомера. То же самое наблюдается и в праkritах, которые следуют моделям санскрита. Когда в Италии, начиная с XVII в., появляется диалектная литература, образцом ей также служат литературные произведения. Итальянские диалектные памятники раннего периода (Пьетро да Барсегане, Угуччоне да Лоди, «Жизнь Кола ди Риенцо» и т. п.) возникли под прямым воздействием «общего» языка, который в это время уже складывался, хотя на письме еще долго «маскировался» атрибутами латыни.

Характерно, что все жители Ломбардии, Пьемонта, Лигурии, Романьи, Кампаньи, Апулии, Сицилии воспринимают свои диалекты как разновидность итальянского, который они легко понимают, хотя случается, что они перестают понимать друг друга, переходя на диалект. Таким образом, национальный язык можно рассматривать как своего рода общий знаменатель, к которому сводятся диалектные разновидности.

С другой стороны, в говорах Фриули или долин Фасса и Оста, нет резкой грани между диалектом и литературным языком. Более того, различия между ними оказываются иногда меньше, чем между литературным языком и некоторыми диалектами, которые издавна считаются итальянскими. Тем не менее диалекты Осты относят к франко-провансальским, а диалекты Фриули и Фассы к латинским. Объясняется это тем, что в долине Осты в качестве письменного языка чаще используется французский, чем итальянский, а во Фриули и в Фассе жители (вернее, часть их), хотя и пишут по-итальянски, но считают, что их диалекты относятся не к итальянским, а к латинским. Однако четких границ между этими диалектами нет, а главное, их обычно устанавливают *a posteriori*, т. е. уже после того, как диалект причислен к определенной группе. Например, если считать итальянскими только те диалекты, где имеются сочетания *pj* и *chj* вместо *pl* и *cl* (как в *pianta*, *chiesa* вместо *plante*, *église* во французском и т. п.) и *sa* вместо *chia* или *cia* или им подобных (как в *capra* вместо *chèvre* и т. д.), то названные диалекты, где есть *pl*, *cl*, *cia* или *chia*, окажутся вне итальянских. В этой связи возникает вопрос — куда отнести диалект долины Нон, где есть *planta* или *ciaura*, но нет окончания *-s* во мн. числе, которое считается характеристикой латинской группы.

Как бы то ни было, у пьемонтского диалекта больше общих изоглосс с диалектом Осты (и даже, добавим, с франко-провансальскими и французскими диалектами), чем с диалектом Бари, а у венецианского больше с фриульским, чем с калабрийским. Дело в том, что среди этих изоглосс нет таких, которые, по принятому мнению, служат показателем итальянской группы. В связи с этим понятно, насколько произвольны подобные классификации, которые, по существу, имеют лишь методическую и практическую ценность.

Итальянские диалекты, как и диалекты других романских языков (французские, испанские, португальские и т. п.), ведут начало от так называемой «народной латыни», т. е. от того латинского языка, на котором говорили в разных частях Римской империи. Между этой разговорной латынью и нынешними диалектами не было разрыва в преемственности. В этой связи можно принять положение К. Фосслера о том, что романские языки — это латынь сегодня. При этом под романскими языками следует понимать те устные итальянские и французские диалекты, которые без перерыва в преемственности восходят к диалектам римской империи (исключая эллинизированные области). Народная латынь была весьма гетерогенной по своему составу. Можно условно выделить в этом сложном образовании, по крайней мере, следующие четыре пласта: 1) местные диалекты; 2) региональные диалекты; 3) региональные варианты официальной латыни; 4) официальная латынь.

Официальная латынь — язык администрации, школы, высокопоставленных лиц — близко стоит к языку литературы. Этот язык был достаточно унифицирован и мог служить моделью для всех других слоев. Более непосредственным было его влияние на региональные варианты, т. е. язык мелкого чиновничества или средних классов, которые собственный язык (относимый к первым двум слоям) старались уподобить официальной латыни. Менее непосредственно его влияние на региональные диалекты, которые больше ориентировались на язык административных центров, т. е. принимали за образец то, что мы называли региональными вариантами официальной латыни. Через региональные диалекты влияние латыни распространилось на диалекты отдельных местностей, где хотя бы часть жителей была двуязычной, т. е. владела и собственным диалектом, и диалектом, служившим для общения с соседними местностями, с мелкими чиновниками администрации и т. п. Пока империя не распалась на части, действовали как бы центростремительные силы, поддерживавшие некое языковое единство, которое по мере удаления от устной официальной латыни становилось все менее устойчивым и однородным.

Это соотношение отразилось в памятниках народной латыни, среди которых находим не только произведения литературы («Пир Трималхиона», «Паломничество Эгерии»), но и надписи, в том числе случайно нацарапанные (как на стенах Помпей). Характер этих памятников обусловлен указанным единством латинского языка. Известен всего один памятник, где до известной степени нарочито изображена народная речь — это «Пир» Петрония. Но и там орфография, равно как и морфология, подчинены норме. Отсюда следует, что о расслоении латинского мы можем узнать только через невольные ошибки, из которых мало можно заключить о региональных различиях. Там, где авторы приближаются к разговорной речи (как св. Августин в «*Sermones*»), это сказывается на лексике и синтаксисе (но только в границах официального узуса), но не на фонетике и морфологии, которые переданы в нормативной орфографии, скрывающей их истинный облик. В этих случаях мы имеем дело с диглоссией, причем без четких границ, как в современном греческом, где от *καθαρεύουσα* совершается постепенный переход к *δημιτική*, но так,

что разговорный язык всегда ориентируется на официальный. Именно поэтому о местных и региональных вариантах народной латыни легче судить по современным диалектам, чем по письменным памятникам, которые создают впечатление значительно большего единства языка, чем это было на самом деле.

Для понимания генезиса современных итальянских диалектов важно прежде всего, что на родине латыни, т. е. в Риме и части Лациума, искони имелась диалектная дифференциация. Язык распространялся по мере того, как новые территории входили в некое подобие «commonwealth», возникшего при главенстве Рима. Но римляне не навязывали своего языка «союзникам». Наоборот, сами «союзники» сознавали потребность овладеть языком города-гегемона. Кроме экономических и политических причин, это объяснялось более высокой культурой Рима и его престижем: как известно, Кумы, оскский город, примкнувший к Риму в 338 г. до н. э., официально пользовался оскским до 180 г. до н. э., когда испро-сил у Рима права официально пользоваться латинским. Постепенно латинский проник в центрально-южную Италию, в Сицилию, Испанию, Сардинию, северную Италию, Галлию, Дакцию. Высшие классы новых провинций могли усваивать язык от римского высшего чиновничества; масса — от солдат, купцов, колоннов в повседневных контактах. Иначе говоря, осваивалась латынь двух типов — какого именно, зависело от социального слоя и местности.

Народы, влившись в империю, однако, не сразу перестали говорить на коренном языке. Наступил длительный период двуязычия. В конце концов под действием так называемого субстрата латынь видоизменялась в зависимости от местного языка, т. е. неодинаково на разных территориях. Изменения, вызванные субстратом, отражались и на той латыни, которая распространялась на вновь завоеванные провинции. Дело не только в том, что изменения затрагивали язык Рима, куда теперь стекался самый разношерстный люд, но и в том, что римское войско включало отныне не одних римских граждан, но также и выходцев из ранее завоеванных провинций.

Это значит, что, говоря о различиях между латынью II в., распространившейся на Сицилию, Сардинию, Испанию, и латынью I в., принесенной в Галлию, северную Италию и т. п., мы имели в виду не только обычные изменения, которые она, как всякий язык, претерпела со временем, но еще и те изменения, которые внесли в нее народы, постепенно входившие в римский commonwealth и сферу латинского языка. Не случайно в диалектах северо-западной Испании (а, значит, и в общенациональном языке) Менендесу Пидалью удалось обнаружить явные следы латыни, испытавшей влияние оскского, которую занесли туда колонны из южной Италии, т. е. оски, только что признавшие политическое и языковое господство Рима.

Следует также учитывать, что на складывающиеся итальянские диалекты огромное влияние оказывали и «чужие» языки, особенно греческий. В связи с этим необходимо отличать влияния, шедшие через грамматики, школы, образованных людей, юношей, обучавшихся в Греции, от влияний, шедших через торговцев, мореплавателей, рабов и т. п.: первые затрагивали письменный и устный язык высших классов общества, сосредоточенных в больших городах, вторые — язык народа, например, в приморских городах. И в этом тоже кроется причина как унификации, так и рас-слоения языка.

Особо следует рассмотреть языковое положение в Сицилии. В городах Сицилии, где поселялись римские высшие чиновники (так называемые «всадники» — *equites*), их со всех сторон окружали носители греческого языка и греческой культуры. Переход к латинскому языку и латинской

культуре мог произойти не раньше того времени, когда римская культура по мощи и блеску сравнилась с греческой, т. е. не раньше эпохи Августа. Латинский в Сицилии сделался языком высших классов в императорскую эпоху, и этим объясняется «современность» сицилийского диалекта, его большая близость к литературному итальянскому. Из городов этот диалект распространился по всему острову, вытеснив далекие от латыни местные языки.

Сходно обстояло дело в Венеции, откуда диалект распространился на всю территорию Венето, вытеснив диалекты ладинского типа: Венецию основали захиточные выходцы из Аквилейского диоцеза, бежавшие от Аттилы и гуннов (452 г.) и говорившие, видимо, на «региональном варианте» официальной латыни. Такая же особенность тосканского объясняется, как показал уже Асколи, ослабленным действием субстрата, так как, в отличие от других областей, доримским языком Тосканы был этрусский, совершенно не похожий на латинский.

В результате варварских завоеваний и распада империи в латинский вошли германские элементы. Началось это, по-видимому, еще в императорскую эпоху в связи со все возрастающим притоком германцев в римское войско. Однако вопрос о том, произошли ли одновременные сдвиги в грамматике, как считает Вартбург, остается спорным. Вместе с тем нельзя все же не задуматься о таком факте, как внутренняя флексия южных диалектов. В этих диалектах на определенные грамматические различия указывают не конечные гласные, которые слились в одну фонему, а чередование гласных в ударном слоге, т. е. флексия того типа, который встречается в немецком и англосаксонском. В Италии такая флексия обнаруживается отчетливее всего в границах лангобардских завоеваний.

Вследствие варварских нашествий и распада империи изменилось также внутреннее деление территории. На географической карте конца VII в. находим византийские владения в Апулии, Калабрии, Сицилии, которые на континенте вскоре распространились вплоть до лангобардского герцогства Беневент (на севере — до линии Террачина — Ортона). На этой византийской территории сложился южный тип диалектов. Несмотря на дифференцирующее действие разных субстратов, диалекты экзархата, Венеции, Истрии стоят особняком среди диалектов Северной Италии. Вся остальная Северная Италия образует крупный политический блок, тяготеющий к Милану и Павии. Вокруг них сконцентрировались диалекты Ломбардии и восточного Пьемонта, тогда как западный Пьемонт, пограничный королевству Бургундии, тяготел к «франко-провансальской» группе. Особый периферийный тип северных диалектов, слабо затронутый влиянием названных центров, образуют диалекты Венето и альпийских долин, которые под натиском ломбардского и венецианского превратились в так называемые ладинские диалекты Фриули, долин Бадия, Гардена и Фасса, части долин Соле и Нон и ладинских областей Швейцарии. Менее устойчивы соотношения диалектов в Средней Италии: здесь в папской области, герцогстве Сполето и Тусции можно по-разному наметить границы, выделяя множество групп, внутренне и территориально не однородных.

Переходя непосредственно к XVI в., когда определилось положение вещей, просуществовавшее в общих чертах вплоть до французской революции, следует различать ряд разновидностей языка, связанных с определенной территорией: 1) на юге — в королевстве Неаполя и Сицилии развиваются и крепнут общие языковые элементы: первоначально они характеризуют койне высших классов, потом постепенно распространяются на региональные диалекты, а через них и на местные; 2) из центра (церковная область) расходится множество изоглосс. Очагом их является

Рим, причем римский диалект южного типа подвергся сильной тосканизации или влиянию литературного языка вследствие засилья тосканцев в папской курии, особенно при Кlemente VII и Лье X; 3) в Тоскане, которая постепенно приобретала все большую независимость (особенно Флоренция) складывается особое местное койне; 4) на северо-западе, в Миланском герцогстве и в Генуэзской республике, на основе местных диалектов, возникших из народной латыни, появились свои относительные койне. В то же время в Пьемонте объединение с Савойей привело к усилению некоторых языковых черт, близких к французскому; 5) на северо-востоке, в Венецианской республике, диалект Венеции, часто употреблявшийся как официальный язык, скоро вытесняет старые ладинские диалекты (исключая ареал Фриули). Однако к западу от Адды остается практически незатронутым ломбардский тип.

Тем временем в Италии возникает и властно утверждается итальянский литературный язык, практически унифицированный на всем полуострове.

Для народной латыни была характерна диглоссия: рядом с литературным и школьным латинским образовался письменный язык, который в той мере, в какой это было возможно, отражал устную речь среднего социального слоя, хотя внешне (орфографически и морфологически) поневоле был близок к традиционной норме. Этот письменный язык, по-видимому, служил моделью на всей обширной территории, особенно при сношениях между разными областями. Он сохранился в употреблении и после падения Римской империи, несмотря на то, что возникшие на месте империи политические и экономические образования не могли не вызвать дифференциации языка.

Каролингское возрождение, вызвав возврат к классической латыни, ликвидировало диглоссию. Яркое свидетельство этого — постановление Турского собора (813 г.), которое обязывало проповедовать веру на народном языке. Эта мера была вызвана тем, что с исчезновением «письменной народной латыни», как я ее назвал, между письменной и устной речью образовалась лакуна. Возникшие в эту эпоху письменные языки — французский, провансальский и т. д. — заполнили образовавшуюся пустоту, выработав, взамен латинской, новую орфографию, которая отражала также фонетический облик грамматических форм. В Италии первые памятники на народном языке (если не считать таких фактов, как свидетельская формула из Капуи, где нотариус старается буквально воспроизвести выражение свидетеля) появляются гораздо позже, скажем в XII или XIII вв. Это объясняется тем, что в Италии дольше употреблялась письменная народная латынь, поскольку она представляла достаточно однородный для различных областей Италии устный язык. Выразительный памятник этого языка, маскирующегося латинскими формами, — «Хроника» Салимбене, где приводится интересный пример «латинизованной» речи. Некий жонглер Скутуццо из Анконы, увидев папу Иннокентия III, обратился к нему в таких стихах: *Papa Innocentium, | doctoris omnis gentium | salutat te Scatutius | et habet te pro dominus* «Папа Иннокентий, наставник всех людей, тебя приветствует Скутуццо, и ты ему господин», а на вопрос папы, откуда он родом, добавил: *de castro Recanato | et ibi fui nato* «из замка Реканато, где и родился». На что папа, «дабы какую грамматику употребил жонглер, таковую и услышал», как говорит Салимбене, ответил: *Si veneris Romam | habebis multa bonam | et bene faciam tibi* «Если будешь почитать Рим, получишь много благ и я содею тебе благо».

Итальянское койне возобладало во всех областях Италии, когда оно освободилось от латинской оболочки. Именно это койне характерно для

поэтов сицилийской школы, подражавших, кроме того, провансальским трубадурам, а также для ранних тосканских поэтов, например, Гвиттоне. В поэмах Северной Италии койне находим у Герардо Патеккьо, Угуччоне да Лоди, Джакомо да Верона, Бонвесиан делла Рива, в «Кантике» св. Франциска и в хвалебных песнях (лаудах) Якопоне да Тоди. Произведения великих тосканцев — Данте, Петрарки, Бокаччо и т. п. — написаны не на флорентийском и даже не на тосканском диалекте. Их язык — это общий язык, тосканский лишь по наружности, очищенный от вульгаризмов и приближенный к латинскому образцу. Внешнее подражание тосканскому скоро стало повсеместным по двум причинам: 1) престиж тосканской литературы, 2) большая близость тосканского к латыни¹.

Существование этого общего языка, — явившегося, между прочим, катализатором в образовании итальянской нации, — сыграло решающую роль в дальнейшей эволюции итальянских диалектов. Показательный пример — диалекты Пьемонта, которые, после того, как итальянский стал в Пьемонте языком культуры вместо французского, снова сблизились с другими северо-западными диалектами Италии. Вместе с тем не надо забывать, что национальный литературный язык служил моделью для начавших складываться с XVII в. письменных диалектных языков, которые поэтому могли сыграть роль посредников между этим литературным языком и устными диалектами.

Последний этап в истории итальянских диалектов — это период от объединения Италии (в 1861 г. было провозглашено Итальянское королевство) до наших дней. Доминирующий факт этого времени — неуклонное распространение разговорного койне, отражающего письменный язык. Оно и прежде было в употреблении между итальянцами разных частей полуострова, но на данном этапе охватывает все более широкий круг людей. Этому способствует много факторов: 1) политическое единство, которое стимулирует и облегчает контакты между итальянцами разных областей; 2) развитие торговли и средств связи; 3) военная служба, соединяющая уроженцев разных местностей и, в особенности, 4) школа, где требуют изучения и употребления национального языка. К этому надо добавить широкое распространение не только книг, но и газет и журналов, культурно-просветительные мероприятия и, наконец, в последние десятилетия, звуковое кино, радио и телевидение, по необходимости на национальном языке. Во всем этом процессе письменный язык играет роль образца. Руссо в «Заметках о происхождении языка» справедливо отмечал: «Диалекты, различающиеся устно, на письме сближаются, смешиваются и незаметно приближаются к общему образцу. Чем больше народ читает и учится, тем больше стираются диалекты, пока от них не остается что-то вроде жаргона людей, которые мало читают и вовсе не пишут». В Италии таких людей с начала XIX в. становится все меньше.

В заключение отметим, что итальянские диалекты, как и всякая другая языковая форма, отражают историческую деятельность нации от самого отдаленного времени, когда она возникла под главенством Рима, до наших дней. Количество и разнообразие итальянских диалектов поистине грандиозно и превосходит все то, что имело место в других странах. Оно объясняется огромным числом нелатинских племен, обитавших на полуострове ко времени римского завоевания, и тем, что страна пришла к единству лишь век назад, в результате долгого и мучительного процесса. Это отличает Италию, например, от таких стран, как Франция или Испания. Именно поэтому история диалектов и литературного языка в Италии имеет много общего с языковой историей Германии.

¹ Ср. об этом: «Paideia», XVIII, 1963, стр. 11 и сл.